

Прежние места

СЕМЕН ИЦКОВИЧ

*По несчастью или к счастью. Истина проста: Никогда не возвращайся В
прежние места. Геннадий Шпаликов*

Соскучились по прежним местам? Почитайте Игоря Шесткова - ностальгию как рукой снимет. Непременно познакомьтесь - очень интересный человек. Лично не знаком, но представление имею. Мрачный такой тип, невеселый, глазастый, всё подмечающий, в меру порочный, а умный даже не в меру - еврей, наверно. Наполовину? Россию Шестков знает досконально, как свои пять пальцев. Поэтому русской своей половиной он ее не жалует, страшная она у него, безотрадная, опасных людей полна, зато еврейской половиной он к России прикипел, и вот потянуло его из Германии, где теперь живет, проведать Москву, проспект Вернадского... Меня туда нисколько не тянет. Ни в Минск, где родился, ни в Москву, где часто бывал. Бывал и на проспекте Вернадского. Его, кстати, у нас здесь на днях показывали по ТВ. Там китайцы кафе открыли, потчевали бараниной по-китайски. Пока кто-то не заподозрил подвох. На деликатес, оказывается, шли отловленные в той округе бродячие собаки... Шестков - писатель. Настоящий, талантливый, прирожденный. Закончил, однако, мехмат МГУ - превратность судьбы, нередкая в России. Не потому ли смотрит в корень и ужасно правдив? К соцреализму не приучен, абсолютно к нему непричастен. Он еще и художник, интересно было бы увидеть, что он рисует, но книга его рассказов иллюстрирована не им. Там фаюмские портреты, раскопанные в Египте, двухтысячелетней давности, но удивительно соответствующие впечатлению от каждого рассказа. Книга о России, а называется «Африка». Не потому, что Египет в Африке. На обложку просто вынесено название одного из тридцати четырех рассказов. Почему именно этого? Потому, что он тринадцатый и ужасен по безысходности? Потому что «вспомнил я тут свою глупую жизнь и захохотал»? Не знаю. Возможно, что так. О России: «Тоскливое, упорное ожидание - типично русский знак. Россия всегда

чего-то ждет, всегда что-то терпит, она лишена настоящего и живет между никак не кончающимся «проклятым прошлым» и никогда не наступающим «светлым будущим»... Страх замкнутого пространства превратился в страх перед огромной темной страной, из которой я вовремя унес ноги и в которую меня опять неизвестно зачем занесло» (из рассказа «Приезд»). Но если даже не занесло нас в прошлое в буквальном смысле, оно в нашей памяти и проявляется, бывает, в сновидениях. Меня, например, много раз преследовал один и тот же тягостный кафкианский сон, как хожу я в прежних местах неприкаянный и никак выбраться оттуда не могу. И у Шесткова в рассказах явь часто чередуется со сновидениями, по преимуществу, правда, эротическими (к этому вернусь), но и другими, как в рассказе «Купала»: «Будто я среди домов... плаваю. В потустороннем городе. Улиц и тротуаров там нет, везде вода. Нет ни людей, ни деревьев...». Только я, просыпаясь, рад свой сон забыть, к утру лишь смутно его помню, а он, видно, с прошлым не расстаётся, оно в нем живет и во всех деталях, в подробностях, которые придумать нельзя, предстает в его рассказах. Эти рассказы неровны, где выше, где ниже, как силуэт современного западного города. Небоскребами в нем возвышаются, на мой взгляд, такие рассказы, как «На Арбате», как «Пальцев»... Я читал их раньше в «Литературном европейце», другие - в «Мостах», а в книге еще раз перечитал. Кстати, сделал для себя открытие, что перечитывание даёт больше, чем первое прочтение. Жаль, что всего, однажды прочитанного, уже не перечитать! Из рассказа «Силуши»: «Россия - глушь, исконная мать-земля, мировой пустырь. Тут и черти, и ведьмы, и волки, и кое-кто похуже может встретиться, Может быть, мертвец с кладбища притащился? Или души убитых зеков по окрестностям рыщут, ищут Усатого, чтобы раздробить его кости?». Страшно, аж жуть. Но ведь верно, как верно и такое наблюдение: «Противоестественная связь человека с государством. Не мы жили в государстве. Оно жило в нас. Как доминирующий паразит» (из рассказа «Новый год»). Здорово сказано! Но понравилось мне в этой книге не всё. Что мне не понравилось, так это, как мне показалось, следование моде, которая, к сожалению, ныне в литературе утвердилась. Во-первых, это раскрепощенность в сексуальных откровениях. В СССР, как известно, «секса не было», зато теперь он стал непременным атрибутом «новой литературы», и прежнее умалчивание

компенсируется с избытком, с фантазией и извращениями. Ох, не надо, оставьте что-то в интимной сфере. Или, перефразируя Маяковского, «Послушайте, если древние придумали фиговый листок, значит, это кому-нибудь нужно!». Во-вторых, мне не по душе ненормативная лексика. По крайней мере, тогда, когда ее можно избежать. По словам знаменитого в недавнем прошлом российского генерала Лебеда, «мы матом не ругаемся, мы на нём разговариваем». Похоже, на нём теперь разговаривают и в Кремле. Отголоски тех разговоров порой вылетают в эфир. Литература, однако, это совсем другая область человеческой деятельности, и у нее есть свой язык - литературный. Книга хорошо издана - чисто, солидно, красиво. Опечаток или грамматических погрешностей совсем немного, что отмечу как редкое ныне достоинство. Именно поэтому на одну смешную ошибку укажу. На стр. 148 - «бабина с кабелем». Что за бабина? Баба такая огромная? Не с кабелем она тогда, а с кобелём. Нет, все-таки с кабелем, но не бабина, а бобина, это катушка такая большая. В заключение пожелаю автору новых успехов в литературе, путешествий не только по прежним местам, но и по новым, не менее интересным и достойным литературного осмысления. Да и музыкальный лад, может быть, перестроится с минора на мажор? Хоть время от времени, хоть шутки ради? Автор еще молод, на подъёме, полон сил, а таланта ему не занимать.